

Янгирова Светлана Мунавировна

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/3-1/66.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 211-215. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 316.34

*Светлана Мунавирова Янгирова**Уфимский институт (филиал) ГОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет»*ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА[©]

Молодежный возраст всегда оказывался в центре исследовательских интересов, когда работы были посвящены проблематике идентичности. Прежде всего, это было связано с определенной эксплицированностью процессов развития персональной и социальной идентичности на данном возрастном этапе. В самом деле, в большинстве возрастно-психологических концепций, при всем их многообразии, период юности определяется в первую очередь через новообразования индивидуального самосознания, среди которых важнейшими являются идентификационные структуры. Именно на этом возрастном рубеже происходит определенная консолидация самохарактеристик и усвоенных образцов социального поведения. Расширение социорольного репертуара, заимствование моделей социального поведения, присущих более старшему возрасту, достижение равновесия между зависимостью и независимостью, развитие персональной системы ценностных ориентации и многие другие социально-психологические «приобретения» молодежи впервые становятся для него предметом рефлексии, результатом которой и становится, по выражению Э. Эриксона, «обретение идентичности» [9, с. 50-52].

Кризис социальной идентичности рассматривается как одна из ведущих социальных проблем, которые встают перед человеком и обществом в целом в ситуации социальной нестабильности наряду с глобальной ломкой устоявшихся социальных стереотипов и изменением системы ценностей. Кризис идентичности «можно определить как особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» [7]. При этом интересно не только определенное изменение содержания идентификационных характеристик, но и их субъективное оценочное значение. Для конкретных исследований этот интерес выражается в изучении возможных путей поддержания позитивной социальной идентичности, в анализе связи структур идентичности с системой персональных ценностных ориентаций, а также в исследованиях проспективной (обращенной в будущее) социальной идентичности современной молодежи. Таким образом, основной фокус проблемы - это выяснение закономерностей и критериев выбора социальной группы, с которой стремится идентифицироваться индивид.

В целом по ряду исследований отмечаются следующие тенденции. В ситуации социальной нестабильности и кризиса, несмотря на объективные нарушения межпоколенной трансляции норм и представлений о жизни общества, семья остается для индивида важным фактором построения образа социального мира в целом и социальной идентичности в частности. Общие характеристики социальной сети индивида фактически не претерпели изменений: с момента начала социальной нестабильности семья составляет для индивида наиболее значимую часть его социальной сети, и ранги значимости ее отдельных членов практически не изменились. Таким образом, сегодня семья выступает своеобразным «буфером» для индивида, ограничивающим влияние на него макросоциальных изменений. Излишне, наверно, говорить о том, что подобная тенденция противоречит традиционным представлениям о данном возрастном этапе как периоде автономизации от родительской семьи.

Интересно также и то, что в исследовании, специально посвященном анализу особенностей восприятия индивидом ситуации социальной нестабильности, выяснилось, что вне зависимости от половой принадлежности и уровня материального благополучия семьи большинство современных молодых людей склонны воспринимать актуальную ситуацию социальных перемен как стабильную. Подобный несколько парадоксальный результат может быть интерпретирован двояко. С одной стороны, в силу того, что источник происходящих социальных изменений лежит вне данной возрастной группы, набирающие силу данные социальные изменения просто еще не затронули сколь-нибудь существенно молодежную страту. С другой стороны в исследовании принимали участие респонденты у которых время их сознательного взросления совпало со временем радикальных социальных перемен - прошлая, стабильная общественная ситуация была им просто не известна, а потому актуальная ситуация нестабильности воспринималась как единственно возможная.

Остановимся кратко на некоторых частных концепциях формирования и развития идентичности в юношеском возрасте, обратившись в качестве исходной точки отсчета к взглядам Эриксона. Мы уже останавливались на данной концепции в связи с анализом возможных направлений в исследованиях идентификации. Напомним, что процесс социального развития личности мыслился Эриксоном в неразрывной связи с процессами социального взаимодействия и определялся как последовательность психосоциальных кризисов.

Центральной тенденцией в переживании всех критических периодов развития для человека становится стремление к собственной идентичности, особенно ярко выступающее в момент отрочества: «Идентичность, которая в конце детства становится важнейшим противовесом потенциально вредному господству детского «Сверх-Я», позволяет индивиду освободиться от чрезмерного самоосуждения и диффузной ненависти к инородному. Эта свобода - одна из предпосылок, позволяющая «Я» интегрировать новые физические силы и задачи взрослого человека» [9, с. 50-52].

Концепция Эриксона не только впервые задала развернутый научный статус категории «идентичность», но и стимулировала эмпирическое освоение данной проблематики, причем большинство исследований проводилось на молодежных выборках. Центральный конфликт юношеского этапа в формировании идентичности составляет, по мысли Эриксона, конфликт между становлением индивидуальности и диффузией (размыванием) идентичности. Задача рефлексии себя и своего места в социальном мире, попытки первых ответов на вопросы: «Кто я? Зачем я живу? Какой я? К чему способен, а к чему - нет?» могут быть разрешены в сторону, так сказать, позитивного полюса - привести к структурно-динамически оформленной Я-концепции, а может - и в сторону отрицательного: к неуверенности в понимании собственного «Я», к неспособности сформулировать свои цели, ценности и идеалы, к трудностям социального (полоролевого, этнического, профессионального и пр.) самоопределения, то есть к диффузной идентичности.

Эриксон отмечает и более частные проявления трудностей юношеского этапа идентификации, связанные с диффузией идентичности. Это, во-первых, диффузия времени, имеющая двойственное проявление: как ощущение цейтнота («не успеваю жить») и как ощущение потери четкой возрастной локализации. Во-вторых, застой в работе - диффузная идентичность молодежного возраста может сопровождаться либо нарушениями работоспособности (неспособность сосредоточиться, апатия), либо чрезмерной поглощенностью социально бесполезной деятельностью в ущерб учебе. В-третьих, Эриксон выделяет отрицательную идентичность, в целом отражающую возрастной негативизм индивида ко всем предлагаемым ему обществом системам ролей, образцов поведения, ценностей и т.п. Отрицательная идентичность есть ориентация при построении Я-концепции на те модели и образцы, которые классифицируются взрослыми как нежелательные или опасные [9, с. 50-52].

Подчеркнем, что для Эриксона кризис идентичности в юношеском возрасте, потенциально сопровождающийся всеми вышеперечисленными трудностями в развитии, является нормативным, его нельзя считать отклонением или психопатологией. Более того, в каждом обществе, в каждой культуре, утверждает Эриксон, существует так называемое пространство «психосоциального моратория» - для того, чтобы взрослеющий человек смог справиться с множественным личностным и социальным выбором, составляющим основную задачу отрочества, социум предоставляет ему некую отсрочку: время, в течение которого могут быть опробованы разные роли, допускается неконформное поведение, пограничные реакции и пр. Причем в разных обществах, в разных культурах это «время и пространство» различны. Однако, как и на предыдущих этапах психосоциального развития, неразрешенный кризис молодежного этапа поиска идентичности может вызвать в дальнейшем регрессивные тенденции: инфантилизм, желание как можно дольше отложить обретение социального статуса взрослого, тревожность и депрессию, трудности межличностной коммуникации (прежде всего в ситуации публичности и в общении с лицами противоположного пола) и т.д.

Некоторые исследователи предприняли попытки выделения различных структурных компонентов идентичности. Сам Эриксон, как уже отмечалось, выделял персональную и социальную идентичность. По отношению к последней П. Бергер и Т. Лукман предприняли следующую конкретизацию:

- «аскриптивная» социальная идентичность, определяющаяся условиями, которые человек не выбирает (например, половая или расовая идентичность); истоки ее формирования лежат в раннем детстве, а завершение - в отрочестве;
- приобретенная социальная идентичность, включающая то, что достигнуто собственными усилиями (в основном это профессиональная идентичность), молодежный этап создает лишь предпосылки к ее формированию;
- заимствованная социальная идентичность, понимаемая как выполнение спектра ролей, усвоенных в ходе развития в результате тех или иных обстоятельств (хотя динамика этого вида идентичности характерна для всей жизни человека, молодежный этап в ее развитии, по мнению Де Левита, имеет определяющее значение) [1, с. 50-52].

Другой и гораздо более эвристичный, как показала, например, практика исследований, пример структурного анализа идентичности в юношеском возрасте можно найти в концепции Ч. Кули [4, с. 50-52]. Он предположил, что феноменологически тот или иной вид идентичности проявляется через наблюдаемые паттерны «решения проблем», то есть актуализируется в ситуации социального выбора. Соответственно он выделяет в юношеском возрасте, во-первых, реализованную идентичность, характеризующуюся тем, что индивид перешел критический период, отошел от родительских установок и оценивает свои будущие выборы и решения исходя из собственных представлений. Он эмоционально включен в процессы профессионального, идеологического и сексуального самоопределения, которые Кули считает основными «линиями» формирования идентичности.

Во-вторых, на основании ряда эмпирических исследований был выделен «мораторий» как наиболее критический период в формировании молодежной идентичности. Основным его содержанием является активная конфронтация взрослеющего человека с предлагаемым ему обществом спектром возможностей. Требования к жизни у такого индивида смутны и противоречивы, его, как говорится, бросает из крайности в крайность, и это характерно не только для его социального поведения, но и для его представлений о себе.

В-третьих, Кули выделяет диффузию, характеризующуюся практическим отсутствием у индивида предпочтения каких-либо половых, идеологических и профессиональных моделей поведения. Проблемы выбора его еще не волнуют, он еще как бы не осознал себя в качестве автора собственной судьбы.

Наконец, в-четвертых, Кули описывает такой вид юношеской идентичности, как предрешение. В этом случае индивид, хотя и ориентирован на выбор в указанных трех сферах социального самоопределения, однако руководствуется в нем исключительно родительскими установками, становясь тем, кем хотят видеть его окружающие.

Таким образом, классификация Кули основана на двух критериях: 1) наличие/отсутствие исследования альтернатив и 2) наличие/отсутствие выбора в результате этого исследования. Ряд дальнейших исследований идентичности с использованием схемы Кули добавили в нее третий параметр: открытость/закрытость альтернативам, «умножив» тем самым возможные виды идентичности. В том, что касается изучения юношеского этапа идентификации, модель Кули вызвала целую серию исследований, посвященных установлению взаимосвязи между теми или иными видами идентичности и различными личностными характеристиками индивидов. В качестве последних брались тревожность, самоуважение, структура ценностей.

Так, в частности, многие исследования подтвердили взаимосвязь между уровнем тревожности и видом идентичности: вне зависимости от половых различий подростки в ситуации моратория обладали максимальной тревожностью, а индивид, которым была свойственна «предрешенная» идентичность, - минимальной, что, как правило, интерпретировалось как актуализация защитных механизмов [5].

Результаты исследований, посвященных изучению взаимосвязи видов идентичности с уровнем самоуважения, были более противоречивыми: так, если для юношей «мораторий» и «реализованная идентичность» коррелировали с высоким уровнем самоуважения, то для девушек, особенно в ситуации «моратория», подобный вид идентичности оказался связан с низким уровнем самоуважения, а также с наличием большого количества конфликтов в межличностных отношениях, что, как отмечается, несомненно, связано с воздействием социокультурных факторов [2, с. 277-312].

Исследования Х. Гадамера ставили своей задачей изучение связи видов идентичности и персональной системы ценностных ориентаций в юношеском возрасте [3, с. 23]. Гадамер предполагал, что сформированная идентичность включает в себя выбор целей, ценностей и убеждений. Этот выбор актуализируется в период кризиса идентичности и является основанием для дальнейшего определения смысла жизни. Было показано, что индивиды в состоянии «предрешенной» идентичности в основном ориентированы на ценности своих родителей, индивиды в ситуации «моратория» и «реализованной» идентичности демонстрируют конформность к ценностям молодежной субкультуры, а «диффузные» индивиды не имеют сформированной системы ценностных представлений.

Иногда за те или иные структурные единицы идентичности принимаются различные представления о себе, выделяемые по самым разным основаниям, что отражает уже отмечавшуюся выше «пересекаемость» данных понятий. Характерной иллюстрацией могут служить работы известного исследователя особенностей Я-концепции Г. Родригеса-Томэ, выполненные в русле интеракционистского направления [8]. В отличие от предыдущего подхода, рассматривающего развитие персональной и социальной идентичности как результат развития личности и ее активного взаимодействия с социальным окружением, данная точка зрения основана на понимании «Я» как результата принятия отраженных оценок Других - в первую очередь родителей и референтных групп сверстников. Основная гипотеза данного подхода состоит в том, что «присутствие Другого включается в осознание себя, которое никогда не отделено от осознания Другого как партнера по взаимодействию» [8]. Родригес-Томэ анализировал идентичность с точки зрения референтных источников ее построения, прибегая к известной методике Куна-Макпарланда «Кто Я?», анализируя тематическое содержание самоописаний, формы самопрезентаций и формальные характеристики высказываний. Он выделил в структуре идентичности три основных дихотомически организованных измерения.

Это, во-первых, определение себя через «состояние» или же через «активность» - «я такой-то или принадлежу к такой-то группе», которое противопоставляется при этом позиции «я люблю делать то-то». В возрасте от 16 до 20 лет происходит постепенный переход от «активного Я» к «Я-состоянию».

Во-вторых, в самохарактеристиках, отражающих молодежную идентичность, выделяется оппозиция «официальный социальный статус - личностные черты». Это измерение имело ярко выраженную половую специфику: в самоописаниях юношей преобладали «официально статусные» черты, а в самоописаниях девушек - личностные самохарактеристики.

В-третьих, еще одно измерение идентичности отражает представленность в Я-концепции того или иного полюса дихотомии: «социально одобряемые» и «социально неодобряемые» самохарактеристики и, как оказалось, не имеет выраженных возрастных особенностей. Родригес-Томэ писал о нем как о наиболее оценочном измерении идентичности, связанном с общим уровнем удовлетворенности жизнью и самооценкой.

Недавние исследования проспективной идентичности показали, что, помимо очевидно возрастающей роли средств массовой информации в формировании будущей социальной идентичности, данный вид молодежной идентичности является, по сути, некоторым социальным стереотипом - устойчивым образом «социального завтра», лишенным личностных особенностей. Представляется, что данный факт подтверждает отмеченные выше тенденции и в целом позволяет интерпретировать их более широко. Как известно, понятие константности восприятия, определенное как сохранение стабильности образа, несмотря на изменение объективных характеристик стимула, в настоящее время применяется и к социальному самовосприятию [6]. В этом смысле полученные данные могут быть интерпретированы как общая тенденция к сохранению стабильного образа социального мира (и социальной идентичности в том числе), несмотря на идущие микро- и макросоциальные изменения.

В интересующем нас аспекте анализа социальной ситуации развития социальные изменения и ценностно-нормативный кризис общества могут быть рассмотрены на трех взаимосвязанных уровнях: на уровне общества в целом, на уровне социальной группы и на уровне личности. В свою очередь, на каждом из этих трех уровней социальные изменения могут быть определены двояко: как совокупность некоторых объективных изменений и как их субъективная представленность в рамках общественного или индивидуального сознания.

Рассмотренная на первом, наиболее высоком уровне общности, социальная нестабильность связана прежде всего с изменениями - как естественно возникающими, так и инициированными) - существующих форм социальной организации. Сама по себе подобная «перестройка» в обычных условиях, вероятно, еще не влекла бы за собой явлений дестабилизации общества. Однако следует заметить, что протекающие трансформации наличных форм социальной идентификации происходят при весьма своеобразных обстоятельствах.

Общеизвестно, что в процессе развития человеческого общества исторически выявилось всего два способа социальной регуляции. Это сила, понимаемая как основная функция властных структур, и социокультурные факторы, сводимые в основном к существующим ценностям и нормам, содержащим в себе стереотипы социально одобряемого поведения систему запретов, образцы деятельности и форм взаимодействия. Причем в мировом процессе, как правило, происходило постепенное усиление роли второго способа социальной регуляции при условии все большей трансформации первого, его реализации в превращенном, «снятом» виде. Особенностью же большинства современных изменений форм социальной организации было их проведение именно с позиций силы - по причине насильственного слома почти всех социокультурных регуляторов. Однако в настоящий момент можно наблюдать фактическое отсутствие не только социокультурных, но и силовых факторов социальной регуляции. Вследствие этого попытки сознательной трансформации тех или иных форм социальной организации как бы «зависают в воздухе», составляя первый, объективный и наиболее общий план явлений социальной нестабильности. Названный план субъективно представлен на уровне общественного сознания кризисом нормативных представлений об отношениях личности и общества. Осмысление «изжитости» существовавших в прошлом социальных моделей идентификации еще не ведет к реальному появлению каких-либо конструктивных предложений в настоящем. Подобные предложения существуют лишь в залегах долженствования. Причем в зависимости от приверженности властно-силовому или ценностно-нормативному способу социальной регуляции начинают доминировать те или иные модели идентификации. Однако и в том, и в другом случае преодоление существующего кризиса общественного сознания представляется сомнительным, ибо каждый из предлагаемых способов решения проблем нацелен на общественное развитие «по образцу», и разница между ними лишь в том, из какой социальной действительности берется этот образец. В то время как более перспективный путь, возможно, связан с отказом от привнесения целей общественного развития извне и с попытками социального самоопределения.

Вторым объективным проявлением социальной нестабильности на уровне существующих идентификационных моделей представляется резкое усиление социальной стратификации. Существенной особенностью актуальной социальной стратификации современного общества выступает осознание этого явления самими его субъектами. В результате на уровне общественного сознания данная стратификация субъективно переживается как кризис целого ряда социальных ценностей и идеалов.

Не менее существенными оказываются ее проявления на социально-психологическом уровне - на уровне группы. Их объективный план имеет, как представляется, две составляющие. Это, во-первых, возрастание числа неопределенных социальных ситуаций, в которых конкретная социальная группа еще не имеет нормативных предписаний о целях и результатах своей деятельности - ни идущих «сверху», со стороны групп более высокого уровня общности, ни лежащих в собственном групповом опыте; во-вторых, подобные изменения социальной действительности сопровождаются возникновением новых видов социальной деятельности и появлением новых социальных моделей идентификации. Это ведет к соответствующим альтернативным проявлениям на уровне «группового сознания» - возникновению специфических, не существовавших ранее групповых норм и одновременной представленности множества различных социальных норм, в том числе и антагонистичных по своему характеру.

Таким образом, можно констатировать, что рассмотренный на социальном уровне процесс идентификации протекает сегодня в ситуации гораздо большей, чем ранее, социальной вариативности - неопределенных социальных ситуаций, многообразия принципов организации социальных моделей идентификации, видов деятельности, социальных ролей и групповых норм. Сама по себе подобная вариативность в ее развитом виде не свидетельствует о социальном кризисе, а скорее является необходимым атрибутом развитого гражданского общества. Однако в настоящих условиях места и времени, в своей становящейся, неразвитой и неподкрепленной изменениями на макросоциальном уровне форме данная социальная вариативность становится, фактором социального кризиса идентификационных моделей.

Наконец, в-третьих проявления социальной нестабильности и ценностно-нормативного кризиса общества могут быть рассмотрены на собственно, личностном уровне. Отметим сразу, что этот пласт ее проявлений особенно нуждается в научном исследовании, причем если предыдущий план анализа могут удовлетвориться социально-философским и социологическим осмыслением феномена, то личностные проявления ситуации социальной нестабильности, несомненно, требуют психологического изучения. В самом общем виде сегодня можно говорить о возможных личностных изменениях, связанных с нарушениями временной перспективы («жизнь в прошлом»), с повышенной тревожностью, с актуализацией специфических защит, то есть с тем комплексом явлений, которые иногда объединяют термином «социальный невроз». Очевидно, что одним из эмпирических референтов характера отношений индивидов к актуальной социальной ситуации является их представление об особенностях своей собственной социальной жизни в будущем, прогноз своего личного социального завтра.

В ряде случаев отражение ситуации социального кризиса и нестабильности на личностном уровне сочетается с определенными особенностями индивидуального самосознания. Последние во многом определяются характеристиками социальной сети индивида, то есть его микросоциальным окружением. Как известно, основными микросоциальными структурами, оказывающими наибольшее влияние на идентификационные модели индивида, являются семья и группа сверстников. Соответственно возможны, варианты социализационного процесса в условиях, когда социальное окружение претерпевает быстрые социальные изменения.

Таковы, сущностные особенности современного процесса идентификации индивида. Любые перспективы идентификации индивида подразумевают - независимо от их конкретного содержания - одну главную и характерную черту: включение процесса идентификации в общекультурные рамки, укоренение его форм, моделей, способов, институтов в действительных культурных традициях.

Таким образом, современная социальная ситуация развития социальных моделей идентификации задает новые характерные особенности протекания процесса идентификации. Очевидно, что они будут иметь свое отражение во всем содержании данного процесса. Как уже отмечалось в максимальной степени это касается особенностей самосознания молодежи, стержневыми составляющими которого являются персональная и социальная идентичность.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
2. Библер В. С. Цивилизация и культура // На гранях логики культуры: книга избранных очерков. М., 1997. С. 277-313.
3. Гадамер Х.-Г. Искусство и подражание // Х.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 23.
4. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1996.
5. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2001.
6. Олескин А. В., Кировская Т. А. Проблематика сетевой самоидентификации // Логос живого и герменевтика телесности. М., 2005.
7. Слюсарянский М. А. Переходное общество: проблемы социальной адаптации к реформам // Современное общество: вопросы теории, методология, методы социальных исследований: материалы Третьей научной конференции, посвященной памяти профессора З. И. Файвбурга. Пермь: Изд-во ПГТУ, 1996.
8. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер Ком, 1998.
9. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 50-52.